

В.В. Бровкин

ПЕРИПАТЕТИКИ И ПЕРИОД РАННЕГО ЭЛЛИНИЗМА

Рассматривается вопрос о влиянии политического развития Греции на философию перипатетиков в период раннего эллинизма. Установлено, что на философию перипатетиков оказали влияние две политические системы: эллинистические монархии и традиционные полисы. Установлено, что в период раннего эллинизма в философии перипатетиков проявилось две тенденции: стремление к политической активности и отчуждение индивида от общества. Доказано, что господствующей была тенденция к политической активности.

Ключевые слова: Ликей; перипатетики; Теофраст; Деметрий Фалерский; Дикеарх; политика; монархия; полис.

В научной литературе традиционно принято считать, что лицом эллинистической философии были стоики, эпикурейцы и скептики. Подчеркивается, что именно в этих философских учениях в наиболее полной мере отразились социально-исторические изменения в эпоху эллинизма и прежде всего переход от полисной системы к военно-бюрократическим монархиям. Однако в период формирования нового эллинистического мира, т.е. раннего эллинизма (334–281 гг. до н. э.) греческая философия состояла из многочисленных школ и направлений, среди которых особое место занимал Ликей и его представители – перипатетики. Ученики и последователи Аристотеля в это время были на первых ролях в философии и науке¹. О большом влиянии перипатетиков говорит тот факт, что именно они выступали в качестве главных политических мыслителей, а также советников и наставников эллинистических царей среди философов².

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что в период раннего эллинизма в греческой философии значительно усилился интерес к монархическому государственному устройству [5. Р. 269; 6. Р. 249; 7. Р. 392; 8. Р. 457–458]. Первое, что бросается в глаза, это большое количество политических сочинений, посвященных теории царствования. Греческими философами в период раннего эллинизма было написано не менее девяти работ, посвященных царской власти. Перечислим их: «Начала царской власти» Ксенократа; «О царской власти», «О царской власти» в двух книгах, «О воспитании царя», «К Кассандру о царской власти» Теофраста; «Птолемей» Деметрия Фалерского; «О царской власти» и «О царе-философе» Стратона; «О царской власти» Эпикура. Все эти сочинения были написаны в течение нескольких десятилетий в конце IV – начале III в. до н. э., и, как мы видим, большинство из них принадлежало перипатетикам. На наш взгляд, данная ситуация свидетельствует о возросшей роли монархий в политической жизни Греции в период раннего эллинизма. Образовавшиеся эллинистические царства стремительно ворвались в политическое пространство Греции. Греческие философы быстро отреагировали на эти изменения, посвятив часть своих политических работ монархии. О чем конкретно шла речь в этих сочинениях, нам не известно. Проблема заключается в том, что ни одно из многочисленных сочинений политического характера раннеэллинистических философов не со-

хранилось. В нашем распоряжении имеются лишь названия произведений и отдельные фрагменты, в которых более поздние античные авторы сообщают, причем зачастую довольно поверхностно, некоторые сведения.

Немного прояснить ситуацию позволяет один фрагмент Теофраста. В Оксиринхских папирусах неизвестный автор приводит слова Теофраста из второй книги «О царской власти»: «И это царь, который действительно правит своим скипетром, а не копьем, как Кеней»³ [9. Р. 127]. Томас Синклэр поясняет, что «даже неуязвимый Кеней был покорен кентаврами, из чего следует, что царствование должно основываться не на силе, а, как сказал Теофраст, на скипетре, который со времен Гомера был знаком законного правления» [6. Р. 249]. Как мы видим, по мнению Теофраста, власть монарха должна основываться на законе, а не на силе и произволе. Но о каком законе может идти речь в случае с эллинистическими монархиями, в которых царская власть была неограниченной и абсолютной и которые все без исключения появились в результате захвата власти насильственным путем⁴?

В этой связи вопрос, который, на наш взгляд, заслуживает особого внимания, заключается не в том, как перипатетики относились к монархии, а в том, как они относились к неограниченной монархии. В научной литературе этот момент зачастую упускается из виду. А ведь именно эта форма правления сложилась в самых сильных и влиятельных государствах эллинистического мира. Еще Аристотель отмечал, что существует несколько видов монархий⁵. В III книге «Политики» у Аристотеля имеется рассуждение о неограниченной монархии. Философ называет ее «всеобъемлющей царской властью, которая состоит в том, что царь правит всем по собственной воле» [10. С. 480]. Позиция Аристотеля хорошо известна и заключается в том, что при любом виде государственного устройства господствовать должен закон, а не человек или группа лиц. Согласно Аристотелю, закон гарантирует большую беспристрастность, чем человек, поэтому полновластное господство одного над всеми не является ни полезным, ни справедливым [Там же. С. 481–483]. Но при этом Аристотель все-таки допускает возможность существования неограниченной монархии. Вот его слова: «Когда случится так, что либо весь род, либо один из всех будет отличаться и превосходить своей добродетелью добродетель»

тель всех прочих вместе взятых, тогда по праву этот род должен быть царским родом, а один его представитель – полновластным владыкой и монархом» [10. С. 484]. Всеобъемлющую царскую власть Аристотель уподобляет домохозяйственной власти, а точнее, власти отца над детьми. Об этом он говорит в I книге «Политики»: «Отец властвует над детьми в силу своей любви к ним и вследствие того, что он старше их, а такой вид власти и есть именно царская власть» [Там же. С. 398]. Из этого следует, что в представлении Аристотеля, монарх, обладающий неограниченной властью, выступает в качестве царя-благотельца, который заботится о своих подданных как отец о детях.

Данное представление Аристотеля, на наш взгляд, позволяет прояснить позицию перипатетиков в отношении неограниченной монархии. Мы полагаем, что Теофраст, говоря о том, что монарх должен править, опираясь на закон, а не на силу, имел в виду как раз добродетельное правление, основанное на справедливости и заботе о подданных. Неограниченная власть эллинистических монархов была той новой политической реальностью, с которой ни один из философов не мог не считаться. Перипатетики, представляющие одну из ведущих философских школ в период раннего эллинизма, были вынуждены приспособливаться к этой реальности, адаптируя к ней идеи Аристотеля. И здесь исключительно важным является вопрос о том, в какой степени взгляды перипатетиков о добродетельном монархе соответствовали исторической реальности, т.е. правлению отдельных эллинистических монархов.

Как известно, участники борьбы за наследство Александра Македонского руководствовались принципом «цель оправдывает средства». Однако при этом, в плане моральных качеств, методов правления, политики в целом и ее результатов, диadoхи очень сильно отличались друг от друга. Среди них были те, кто покрыл свое имя злодеяниями и бесчестьем. Но были и такие, кто вошел в историю благодаря своим высоким моральным качествам и выдающимся деяниям. К числу первых можно отнести Кассандра, Лисимаха, Птолемея Керавна. К числу вторых – Птолемея I Сотера, Селевка I Никатора, Птолемея II Филадельфа, Антигона Гоната⁶.

Кассандр, Лисимах и Птолемей Керавн печально прославились как жестокие, коварные и неразборчивые в средствах тираны. Дройзен пишет, что «правление Кассандра было полно деспотизма и насилий» [3. С. 237]. Именно Кассандр, будучи регентом при малолетнем наследнике македонского престола и сыне Александра Великого Александре IV, тайно умертвил последнего и его мать Роксану, тем самым узурпировав власть [Там же. С. 238]. Порочность одного из самых могущественных диadoхов Лисимаха обернулась смертью для многих его родных и приближенных. Собственную дочь Лисимах осудил на пожизненное тюремное заключение. Зная он приказал умертвить, чтобы овладеть его царством. Своего сына и наследника Агафокла Лисимах по ложному обвинению в заговоре казнил [Там же. С. 381–382]. Птолемей Керавн, желая овладеть македонским престолом, убил своего покровителя и друга Селевка I. Далее

Птолемей решил жениться на своей сводной сестре Арсиное II, обещая усыновить ее сыновей от Лисимаха. Он даже принес клятву в храме в своих добрых намерениях. Но в день свадьбы по приказу Птолемея сыновья Арсинои были жестоко убиты на глазах у матери [3. С. 393].

Антигон Гонат по праву считается одним из самых уважаемых правителей эпохи эллинизма. В его жизни и царствовании не найдется ни одного порочащего его деяния. Неслучайно многие греческие философы считали для себя честью быть его другом⁷. Птолемей I Сотер прославился как основатель одного из самых могущественных эллинистических государств. Именно при Птолемеях в Александрии были построены Музей и библиотека, которые превратили город в невиданный доселе центр античной науки и культуры. О заботе Птолемея о своем государстве свидетельствует построенный им грандиозный Фаросский маяк⁸. Кроме этого, Птолемей считается автором несохранившегося исторического сочинения об Александре Македонском, на которое во многом опирались последующие историки вроде Арриана. Политику Птолемея I успешно продолжил его сын и наследник Птолемей II Филадельф. При нем Египет оставался одним из самых сильных и развитых эллинистических государств. Вероятно, именно на период правления Птолемея II пришелся расцвет александрийского Музея. Еще одним бесспорно выдающимся правителем был Селевк I Никатор. Селевк вошел в историю как основатель самого большого эллинистического государства. Кроме этого он основал большое количество новых городов, некоторые из них (Анtioхия на Оронте, Селевкия на Тигре, Апамея) были крупнейшими в эпоху эллинизма. Сохранившиеся источники позволяют судить о Селевке не только как о великом полководце и государственном деятеле, но и как о великодушном и благородном правителе.

Мы не склонны идеализировать одних эллинистических монархов⁹ и демонизировать других. Однако важно отметить, что идея просвещенного и добродетельного монарха не являлась фантазией греческих философов, а находила подтверждение в деятельности отдельных эллинистических царей. Тесная связь между перипатетиками и Птолемеями, а также между ранними стоиками и Антигоном Гонатом свидетельствовала о возможности благотворного влияния философов на эллинистических правителей. Безусловно, вопрос о степени такого влияния остается открытым. Но тем не менее еще раз отметим, что теория о монархе-благотельце имела под собой реальные основания. Греческие философы, прежде всего перипатетики, а позднее стоики, имели право рассчитывать на то, что их усилия в политической теории и практике могут дать положительные результаты. Поэтому мы полагаем, что интерес ведущих перипатетиков к теории монархии носил не отвлеченно-умозрительный, а вполне прикладной характер. Теофраст, Деметрий Фалерский, Дикеарх, Стратон и другие представители Ликея должны быть, разделяли мнение Аристотеля о том, что любое государственное устройство может быть усовершенствовано посредством правильных политических преобразований. В условиях господства

неограниченной монархии именно этот вид государственного устройства, по мысли перипатетиков, подлежал усовершенствованию. И здесь роль философов как царских наставников и советников была крайне высокой. Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняет пристальный интерес перипатетиков к политической теории в целом и к монархическому государственному устройству в частности.

Впрочем, у перипатетиков в период раннего эллинизма сохранялся интерес и к полисной проблематике. Так, известно, что Теофраст и Деметрий Фалерский продолжали изучать политическое устройство отдельных полисов, а также их законодательство. Ни одна из политических работ этих философов не сохранилась. Но перечень этих сочинений у Диогена Лаэртского не оставляет сомнения в том, что дело Аристотеля по изучению политического устройства греческих полисов было успешно продолжено его последователями в Ликее¹⁰. Другие перипатетики разрабатывали теорию идеального государства. В одном из фрагментов сообщается что Дикеарх выступал сторонником смешанного государственного устройства. В сочинении «Триполития» Дикеарх высказал мнение, что наилучшее государственное устройство состоит из элементов монархии, аристократии и демократии [11. Р. 91]. Для греческой политической мысли эта идея была далеко не новой. В Греции подобное политическое устройство традиционно было принято связывать со Спартой. Как передает Плутарх, в древности легендарный спартанский законодатель «Ликург придал государственному управлению смешанный характер» [12. С. 58], где монархия была представлена институтом царей, аристократия – герусией (советом старейшин), а демократия – народным собранием. Главное достоинство спартанского государственного устройства, по мнению Плутарха, заключалось в том, что в нем были уравновешены различные политические силы. Это обеспечило Спарте политическую устойчивость и отсутствие внутренних конфликтов на долгое время.

Как мы видим на примере Аристотеля и Дикеарха, в Ликее активно разрабатывались проекты идеального государства в рамках традиционной полисной системы. Хорошо видно, что перипатетиков не устраивало существовавшее в то время политическое устройство полисов. Греческие полисы в период раннего эллинизма раздирали внутренние конфликты и противоречия. К продолжающейся борьбе между сторонниками демократии и олигархии, а также между сторонниками и противниками Македонии, добавилось противостояние между союзниками тех или иных диадохов и эллинистических царей. Основные виды государственного устройства – олигархия и демократия, продолжали дискредитировать себя в глазах греческих философов. В частности, сторонники демократии в Афинах постоянно нападали на перипатетиков, обвиняя их в связях с Македонией. Им даже удалось на год изгнать все философские школы из Афин (306–305 гг. до н. э.), а также возбудить судебное дело против Теофраста (316–315 гг. до н. э.) [13. С. 54–55]. И при этом именно афинские демократы после падения режима Деметрия Фалерского и восстановления

демократических порядков впали в совершенно неумеренное прославление «освободителей» Афин – Деметрия Полиоркета и Антигона Одноглазого, которых они даже объявили богами. Впрочем, и олигархия не вызывала у перипатетиков симпатии. Это хорошо видно из описания олигархического человека в «Характерах» Теофраста. Сторонника олигархии Теофраст описывает как человека, стремящегося к власти, тесно связанного с корыстью, презирующего простой народ и не желающего тратить на общественные нужды [Там же. С. 35–36]. Что касается политического режима Деметрия Фалерского в Афинах, то в нем просматриваются элементы тирании, олигархии и аристократии [2. С. 547, 555–557].

Таким образом, разочарование в олигархии и демократии подталкивало перипатетиков к разработке новых проектов государственного устройства. Это, а также политические исследования, которые продолжали вести перипатетики, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что, несмотря на кризисные процессы, полисная система в эпоху эллинизма оставалась жизнеспособной. Об этом говорят и некоторые современные исследования [14. Р. 20; 15. Р. 209]. Даже в ослабленном виде греческие полисы продолжали играть важную роль в общественно-политической и культурной жизни Греции. И именно с этим, как мы полагаем, был связан сохраняющийся интерес перипатетиков к полисной проблематике.

Большой интерес представителей Ликей к политической науке, а также участие отдельных философов этой школы в государственных делах говорят о господстве в философии перипатетиков такой тенденции, как стремление к политической активности. По мнению Цицерона, именно перипатетик Деметрий Фалерский лучше всех совмещал научно-философскую деятельность с участием в делах государства. Как пишет Цицерон, Деметрий Фалерский был «первым и в занятиях наукой, и в управлении государством» [16. С. 138]. Но среди перипатетиков не один Деметрий Фалерский придерживался мнения о приоритете политической деятельности над научной или как минимум о их равноценности. В период раннего эллинизма в Ликее обострилась полемика по вопросу об образе жизни. Как сообщает Цицерон, между Теофрастом и Дикеархом имел место спор о том, какая жизнь является предпочтительной – созерцательная или деятельная [17. С. 123]. Теофраст отдавал предпочтение созерцательной жизни, Дикеарх – деятельной. Мы полагаем, что под созерцательной жизнью понималась научно-философская деятельность, а под деятельной – участие в общественно-политических делах. То, что два ведущих представителя Ликей не просто допускали возможность для философа участвовать в государственных делах, но и ставили политическую деятельность выше созерцательной, говорит о многом. Прежде всего о том, что представление о неразрывной связи между философией и политикой продолжало оставаться актуальным в раннеэллинистической философии.

Вместе с тем нельзя не упомянуть и о другой тенденции, которая проявилась в философии перипатетиков в данный период. Речь идет о тенденции к от-

чуждению индивида от общества. Святой Иероним в первой книге сочинения «Против Йовиниана» приводит большой фрагмент из работы Теофраста «О браке». В нем Теофраст доказывает, что мудрый человек не должен жениться. Семейные обязанности и заботы непременно помешают занятиям философией. Дурная и непослушная жена будет большой обузой. Но даже если попадется хорошая жена, все равно придется страдать и переживать из-за нее. Вступать в брак ради детей, по мнению Теофраста, является высшей глупостью. Никакой гарантии в том, что дети окажутся достойными людьми и продолжат род, нет. Он полагает, что вместо жены и детей лучше иметь друзей, добрых слуг и родственников [18. Р. 846–848].

Данные рассуждения Теофраста очень сильно напоминают взгляды еще одного раннеэллинистического философа – Эпикура. Мудрец Эпикура также уклонялся от брака и семейных обязанностей, предпочтя им тихую и спокойную жизнь. Но как ни странно, Теофраст в этом вопросе идет еще дальше. Согласно Эпикуру, для счастья мудрец нуждается в друзьях. Согласно Теофрасту, жизнь мудрого человека даже в одиночестве не будет хуже. Вот что он пишет: «Мудрый человек никогда не может быть один. Он имеет с собой добрых людей всех времен, и свободно направляет свой разум туда, куда он пожелает. То, что недоступно ему лично, он может охватить в мысли. И если людей мало, он беседует с Богом. Он никогда не бывает менее одинок, чем, когда одинок» [Ibid. Р. 847]. Эдуард Целлер отмечает, что стремление Теофраста к внутренней свободе и душевному спокойствию сближает его с Эпикуром и стоиками [19. Р. 405–406]. Мы согласны с данным мнением и полагаем, что именно в этом стремлении Теофраста проявилась тенденция к отчуждению индивида от общества.

Впрочем, эта тенденция не являлась господствующей у перипатетиков. Во-первых, Теофраст, в отличие от стоиков и Эпикура, не стремился к независимости от внешних обстоятельств. Наоборот, он признавал зависимость счастья от судьбы и внешних

условий. А во-вторых, спокойствие для Теофраста не являлось конечной целью жизни, а выступало в качестве необходимого условия для того, чтобы можно было полностью отдаться научно-исследовательской деятельности. У Эпикура и стоиков же теоретическая часть философии была подчинена практической цели достижения безмятежности и бесстрастия.

Подведем итоги. Как мы установили, с образованием эллинистических монархий в Ликее значительно усилился интерес к монархическому государственному устройству. В своих многочисленных сочинениях, посвященных царской власти, перипатетики развивали идею добродетельного и просвещенного монарха. Данная идея находила подтверждение в деятельности отдельных эллинистических правителей, таких как Птолемей I, Птолемей II, Селевк I, Антигон Гонат. Влияние полисной системы, которая продолжала существовать в данный период, проявилось в исследованиях перипатетиков, посвященных законам и государственному устройству греческих полисов. Кроме этого, в Ликее продолжали работать над проектами идеального государства. Значительный интерес авторов этих проектов к проблеме политической стабильности свидетельствует о развитии кризиса полисной системы в период раннего эллинизма. В философии перипатетиков проявились также две противоположные тенденции. Тенденция к отчуждению индивида от общества возникла у Теофраста в виде стремления к уклонению от брака, семьи и детей, а также представления о мудреце, который находит удовлетворение в своем одиночестве. Тенденция к политической активности особенно заметно проявилась у Дикеарха и Деметрия Фалерского, которые деятельную жизнь ставили выше созерцательной. Интерес к политической науке в Ликее и участие его отдельных представителей в государственных делах позволяют сделать вывод о том, что у перипатетиков в период раннего эллинизма тенденция к политической активности преобладала над тенденцией к отчуждению индивида от общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В Ликее в то время учились и преподавали выдающиеся философы, ученые, поэты, ораторы: Теофраст, Дикеарх, Стратон из Лампсакса, Аристоксен, Деметрий Фалерский, Евдем Родосский, Гераклид Понтийский, комедиограф Менандр, оратор Динарх. Диоген Лаэртский сообщает, что Теофраста слушали до 2 тыс. учеников [1. С. 216]. И это при том, что, согласно переписи населения Аттики при Деметрии Фалерском, число полноправных граждан составляло 21 тыс. человек, а метеков – 10 тыс. [2. С. 553]. Как полагает Дройзен, в Афинах при Деметрии Фалерском на Ликей и философию перипатетиков была самая настоящая мода [3. С. 260–261].

² Деметрий Фалерский правил в Афинах в 317–307 гг. до н. э., будучи ставленником Кассандра. Позднее он оказался в Египте и стал влиятельной фигурой при дворе Птолемея I. Именно Деметрий Фалерский сыграл важную роль в создании и организации Музея и библиотеки в Александрии. Стратон из Лампсакса был учителем Птолемея II Филадельфа. Теофраст поддерживал общение с Кассандром и Птолемеем I. По мнению Йена Уэрдингтона, тесная связь между перипатетиками и эллинистическими правителями продолжала традицию общения между греческими интеллектуалами и македонскими царями начиная с конца V в. до н. э. Уэрдингтон предполагает, что большое влияние перипатетиков в Птолемеевском Египте могло быть связано с тем, что юный Птолемей I вместе с Александром обучался у Аристотеля [4. Р. 140–141].

³ Кеней – персонаж древнегреческой мифологии.

⁴ Ни один из основателей эллинистических монархий не принадлежал по крови к царской династии Аргеадов, правившей в Македонии с VIII по IV в. до н. э.

⁵ Аристотель выделяет пять видов царской власти. Первый вид – это царская власть героических времен, которая была достаточно ограниченной. Второй вид – царская власть у варваров, наследственная и деспотическая по закону. Третий вид – выборная тирания. Четвертый вид – царская власть в Лакедемонии, которая была, по сути, наследственной и пожизненной стратегией. Пятый вид – это неограниченная власть одного над всеми [10. С. 476–477].

⁶ Строго говоря, к числу диадохов, т.е. сподвижников Александра Македонского, из этого перечня относятся только Птолемей I Сотер, Селевк I Никатор, Кассандр и Лисимах. Согласно Дройзену, Антигон Гонат, Птолемей II Филадельф и Птолемей Керанн были так называемыми эпигонами, т.е. сыновьями и наследниками диадохов.

⁷ В дружеских отношениях с Антигоном Гонатом были Зенон Китийский, Клеанф, Персей Китийский, Менедем из Эретрии, Бион Борисфенский.

⁸ Александрийский маяк был единственным сооружением из Семи чудес света, которое имело практическое предназначение. Маяк способствовал безопасному судоходству, а также выполнял военную функцию сигнальной башни [4. Р. 144].

⁹ В частности, Селевк участвовал в убийстве регента Пердикки. Птолемей I стал полноправным правителем Египта после того, как убил прежнего наместника Клеомена. Птолемей II жестоко расправился с высмеивавшим его поэтом Сотадом из Маронеи.

¹⁰ Теофраст считается автором таких сочинений, как «Обзор законов», «Законодатели», «Политики», «О наилучшем государственном устройстве», «О законах», «О наилучшем управлении государствами» и пр. [1. С. 218–220]. Деметрию Фалерскому приписываются такие сочинения, как «Об афинском законодательстве», «Об афинском государственном устройстве», «О законах», «О руководстве народом», «О политике», «О государственном устройстве» и пр. [Там же. С. 229].

ЛИТЕРАТУРА

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
2. Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб. : Гуманитарная Академия, 2001.
3. Дройзен И.Г. История эллинизма. История диадохов. М. : Академический проект; Киров : Константа, 2011.
4. Worthington I. Ptolemy I: King and Pharaoh of Egypt. New York : Oxford University Press, 2016.
5. Balot R.K. Greek Political Thought. Oxford : Blackwell Publishing, 2006.
6. Sinclair T.A. A History of Greek Political Thought // Routledge Library Editions: Political Science. London : Taylor & Francis Group, 2012. Vol. 34.
7. Rowe C. The Peripatos after Aristotle // The Cambridge History of Greek and Roman Thought / C. Rowe, M. Schofield. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 390–395.
8. Hahn D.E. Kings and constitutions: Hellenistic theories // The Cambridge History of Greek and Roman Thought / C. Rowe, M. Schofield. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 457–476.
9. Oxyrhynchus Papyri. P. XIII / P. Grenfell Bernard, S. Hunt Arthur. London : Egypt Exploration Fund, 1919.
10. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. М. : Мысль, 1983. Т. 4.
11. Dicaearchus of Messana: Text, Translation, and Discussion // Rutgers University Studies in Classical Humanities / William W. Fortenbaugh, E. Schutrumpf. London : Taylor & Francis Group, 2001. Vol. 10.
12. Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 3 т. М. : Академия наук СССР, 1961. Т. 1.
13. Теофраст. Характеры. Ленинград : Наука, 1974.
14. Hansen M.H. The Lifespan of Hellenic Polis // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / Hansen Mogens Herman and Nielsen Thomas Heine. Oxford University Press, 2004. P. 16–22.
15. Billows R. Cities // A Companion to the Hellenistic World / A. Erskine. Blackwell Publishing, 2003. P. 196–215.
16. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М. : Наука, 1966.
17. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1949. Т. 1.
18. Nicene and Post-Nicene Fathers, Series II, Volume 6. Jerome: The Principal Works of St. Jerome. Schaff P. Christian Classics Ethereal Library, 1893.
19. Zeller E. Aristotle and the earlier Peripatetics: In Two Volumes. London : Longmans, Green, and Co., 1897. Vol. II.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 30 сентября 2018 г.

Peripatetics and the Period of Early Hellenism

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 74–79.

DOI: 10.17223/15617793/438/9

Vladimir V. Brovkin, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: drakar@ngs.ru

Keywords: Lyceum; peripatetics; Theophrastus; Demetrius of Phalerum; Dicaearchus; monarchy; politics; polis.

The article deals with the influence of the political development of Greece on the philosophy of peripatetics in the period of early Hellenism. The treatment of this issue in research literature is often underexplored and one-sided. It is believed that socio-historical changes in the era of Hellenism are most fully reflected in the philosophy of Epicurus, Stoics and Skeptics. It is noted that in the conditions of the formation of Hellenistic monarchies the dominant tendency in Greek philosophy was the alienation of the individual from society. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the philosophy of peripatetics was influenced by two political systems that coexisted during the early Hellenic period. The first system was represented by Hellenistic monarchies. The second system was the traditional organization of city-states. As the author has established, with the formation of Hellenistic monarchies, the Lyceum saw a significant growth of interest in the monarchical state system. In their numerous writings on the tsarist government, peripatetics developed the idea of a virtuous and enlightened monarch. This idea was confirmed by the activities of certain Hellenistic rulers, such as Ptolemy I Soter, Ptolemy II Philadelphus, Seleucus I Nicator, Antigonos II Gonatas. The impact of the Greek polis that continued to exist during this period, manifested itself in peripatetic studies on the laws and government of Greek city-states. In addition, the Lyceum continued to work on projects of the ideal state. The considerable interest of peripatetics in the problem of political stability, as well as their critical attitude to the main types of state structure – democracy and oligarchy – indicates the development of the crisis of the system of city-states in the period of early Hellenism. The philosophy of peripatetics also manifested two opposite tendencies. The trend of alienation of the individual from society was evident in Theophrastus, in the form of commitment to the avoidance of marriage, family and children, as well as ideas about the wise man who finds satisfaction in his loneliness. The tendency towards political activity is particularly evident in Dicaearchus and Demetrius of Phalerum, who placed active life above the life of contemplation. The interest in political science in the Lyceum and participation of its individual representatives in public affairs lead to the conclusion that for peripatetics in the period of early Hellenism the tendency to participate in political activity prevailed over the tendency towards the alienation of the individual from society.

REFERENCES

1. Diogenes Laertius. (1979) *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov* [About the life, teachings and sayings of famous philosophers]. Translated from Old Greek by M.L. Gasparov. Moscow: Mysl'.
2. Frolov, E.D. (2001) *Gretsiya v epokhu pozdney klassiki (Obshchestvo. Lichnost'. Vlast')* [Greece in the era of the late classics (Society. Personality. Power)]. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya.

3. Droyzen, I.G. (2011) *Istoriya ellinizma. Istoriya diadokhov* [History of Hellenism. History of Diadochi]. Moscow: Akademicheskii proekt; Kirov: Konstanta.
4. Worthington, I. (2016) *Ptolemy I: King and Pharaoh of Egypt*. New York: Oxford University Press.
5. Balot, R.K. (2006) *Greek Political Thought*. Oxford: Blackwell Publishing.
6. Sinclair, T.A. (2012) *A History of Greek Political Thought*. Routledge Library Editions: Political Science. Vol. 34. London: Taylor & Francis Group.
7. Rowe, C. (2008) The Peripatos after Aristotle. In: Rowe, C. & Schofield, M. (eds) *The Cambridge History of Greek and Roman Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Hahm, D.E. (2008) Kings and constitutions: Hellenistic theories. In: Rowe, C. & Schofield, M. (eds) *The Cambridge History of Greek and Roman Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Grenfell, B.P. & Hunt, A.S. (eds) (1919) *Oxyrhynchus Papyri*. P. XIII. London: Egypt Exploration Fund.
10. Aristotle. (1983) *Politika* [Politics]. In: Dovatur, A.I. (ed.) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Translated from Old Greek by A.I. Dovatur. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
11. Fortenbaugh, W.W. & Schutrumpf, E. (eds) Dicaearchus of Messana: Text, Translation, and Discussion. In: *Rutgers University Studies in Classical Humanities*. Vol. 10. London: Taylor & Francis Group.
12. Plutarkh. (1961) *Sravnitel'nye zhizneopisaniya: v 3 t.* [Parallel lives: in 3 vols]. Translated from Old Greek by S.P. Markish. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
13. Theophrastus. (1974) *Kharaktery* [Characters]. Translated from Old Greek by G.A. Stratanovskiy. Leningrad: Nauka.
14. Hansen, M.H. (2004) The Lifespan of Hellenic Polis. In: Herman, H.M. & Heine, N.T. *An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. Oxford University Press.
15. Billows, R. (2003) Cities. In: Erskine, A. (ed.) *A Companion to the Hellenistic World*. Blackwell Publishing.
16. Cicero. (1966) *Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh* [Dialogues. About the state. About the laws]. Translated from Latin by V.O. Gorenshteyn. Moscow: Nauka.
17. Gorenshteyn, V.O. (ed.) (1949) *Pis'ma Marka Tulliia Tsitserona k Attiku, blizkim, bratu Kvintu, M. Brutu* [Letters from Marcus Tullius Cicero to Atticus, relatives, brother Quint, M. Brutus]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
18. Schaff, P. (ed.) (1893) *Nicene and Post-Nicene Fathers*. Series II. Vol. 6. Jerome: The Principal Works of St. Jerome. Christian Classics Ethereal Library.
19. Zeller, E. (1897) *Aristotle and the earlier Peripatetics: In Two Volumes*. Vol. 2. London: Longmans, Green, and Co.

Received: 30 September 2018